

Збж – Забужжя Любомльського району Волинської області
Злч – Золочівка Демидівського району Рівненської області
Івнч – Іваничі Рожищенського району Волинської області
Клб – Клубочин Ківерцівського району Волинської області
Клн – Калинівка Маневицького району Волинської області
Клс – Клесів Сарненського району Рівненської області
Крм – Кримне Старовижівського району Волинської області
Обр – Обарів Рівненського району Рівненської області
Омл – Омельно Ківерцівського району Волинської області
Острц – Острівці Володимирецького району Рівненської області
Пдг – Підгайці Луцького району Волинської області
Плп – Полапи Любомльського району Волинської області
Плц – Полиці Володимирецького району Волинської області
Пст – Постійне Костопільського району Рівненської області
Рдн – Рудники Маневицького району Волинської області
Рсв – Русів Володимир-Волинського району Волинської області
Слн – Сильне Ківерцівського району Волинської області
Смд – Смідин Старовижівського району Волинської області
СтВж – Стара Виживка Волинської області
СтЗг – Старий Загорів Локачинського району Волинської області
Трг – Торговиця Млинівського району Рівненської області
Трст – Тристеня Шацького району Волинської області
Хлп – Холопичі Локачинського району Волинської області
Хрп – Хрипськ Шацького району Волинської області
Щц – Шацьк Волинської області
Ярс – Ярославичі Млинівського району Рівненської області

Надійшла до редколегії 19.02.13

УДК 811.161.1'42

К. В. Нестеренко

*Национальный университет «Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого» (г. Харьков)*

О НАГЛЯДНО-ОБРАЗНОМ ВОПЛОЩЕНИИ ТЕРМИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Виділено ознаки терміна «покарання», які складають його наукове поняття (помста, виправлення, залякування, позбавлення, вигнання), і продемонстровано їх втілення у буденній свідомості (художньому тексті). Враховано і синхронічні, і діахронічні ознаки поняття. На основі аналізу виявлено, що буденна свідомість охоплює більший різновид різноманітних аспектів поняття «покарання», ніж наукова, а художній текст має усі можливості для їх втілення.

Ключові слова: термін, «покарання», наукове поняття, ознака, буденна свідомість, художній текст.

Вычленены признаки термина «наказание», составляющие его научное понятие (мечь, воздаяние, устрашение, лишение, изгнание), и продемонстрировано их воплощение в быденном сознании (художественном тексте). Учтены и синхроничные, и диахроничные признаки данного понятия. На основе анализа определено, что быденное сознание охватывает большее разнообразие различных аспектов понятия «наказание», чем научное, а художественный текст обладает всеми возможностями для их воплощения.

Ключевые слова: термин, «наказание», научное понятие, признаки, быденное сознание, художественный текст.

The scientific signs of the term 'punishment' that constitute its concept (revenge, retribution, deprivation, eviction, isolation) are defined in the article and their synchronic and diachronic features are considered. On the basis of the analysis it is defined that common conscience embraces bigger variety of this concept notion than scientific and the artistic text has all possibilities for their implementation.

Key words: term, 'punishment', scientific concept, sign, common conscience, artistic text

Термин, как вербальное обозначение научного понятия, «слово или словосочетание, обозначающее определенное понятие специфической области знания или деятельности» [4], функционирует в первую очередь там, где это обусловлено его природой - в сфере научного знания. Однако с развитием общества, популяризацией знаний термин может стать частью тезауруса народно-бытовой и художественной речи. При этом он приобретает новые свойства и характеристики, связанные с его индивидуальным освоением, сохраняя свои константные признаки в качестве термина или метафоризируясь. При индивидуальном использовании термина в бытовой или художественной речи содержание его понятия зависит от условий, места, времени, личности, контекста. Однако, по определению, термин должен сохранять свои понятийные признаки, принадлежность системе, входя в ненаучный обиход. Содержание понятия может быть раскрыто описанием явлений, включенных в него, воплощением его существенных признаков и категорий в бытовые ситуации или художественные образы.

Общие вопросы теории термина разрабатывались в трудах В. В. Виноградова, В. П. Даниленко, Д. С. Лотте, С. В. Гринева, В. М. Лейчика, Т. С. Пристайко и многих других. Кроме того, изучались системные особенности терминов, их функционирование в различных терминосистемах, способы расширения отдельных терминосистем. Менее изученными оказались вопросы адаптации терминов в различных типах речи, функционирования в текстах разных жанров, восприятию и в художественном творчестве.

Существуют термины, которые настолько давно и уверенно вращаются в обиходной речи, что сейчас трудно определить их первоначальную роль - термина или слова из разговорного языка. К таким словам относится, например, «наказание». Особенностью термина «наказание» следует считать его универсальный характер - он функционирует во всех языках, может быть общеупотребительным и широко использоваться как в научной литературе, так и в художественной; в быту, в деловой документации и пр. (подробнее о классификации юридических терминов согласно сфере их функционирования см. [6]).

Как и любой другой, термин «наказание» выражает исторически обусловленное понятие и должен соответствовать уровню развития научного знания. С течением времени, появлением новых концепций, термин может изменять или модифицировать свое значение. Термин «наказание» входит в правовую терминосистему, а область права непосредственно затрагивает и общество, и отдельного человека. Термин может стать частью обыденного представления, являющего собой в большей степени наложение обыденного знания, и наглядно-чувственного опыта на абстрактное знание. Не стоит забывать и о религиозном значении и понимании термина «наказание», первоначально связанного с религиозной картиной мира и трактуемое как наказание за грехи. Современное понятие о наказании включает в себя и терминологическое, и обыденное, и религиозное его толкование, что отражено в энциклопедических и толковых словарях (см., например, [4; 8]). Онтогенез термина «наказание» подробно показан в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, собравших разнообразные и наиболее значимые точки зрения на понятие «наказание», принципы его действия [8]. Как научное понятие «наказание» подразумевало в разное время месть, воздаяние, уст-

рашение, устранение нежелательного члена от общества, позднее - исправление. В обыденном знании, связанном с освоением языка, данные принципы отразились в лексических системных отношениях и в сочетаемости данного слова с другими словами. Например, в словаре [1] представлен синонимичный ряд слова «наказание» и его сочетаемость (телесное, строгое, легкое, исправительное, уголовное), взыскание, кара, казнь, пеня, расправа, штраф, эпитимия. Ср. Выговор. Присужден к смертной казни чрез повешение. Мера наказания не должна превышать тяжесть содеянного. || налагать наказание, отбывать наказание, подвергать наказанию. Наказывать - карать, учить (проучить), налагать наказание, подвергать наказанию, оштрафовывать. Он наказан за что-либо, ему влетело, досталось, досталось на орехи за что-либо. Синонимы слова «Наказание», как видим, в основном соответствуют его научному содержанию.

Цель данной статьи - проанализировать наглядно-образное воплощение термина «наказание» в примерах из художественной литературы, отражающих обыденное знание. Такими примерами стали «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Из Сибири» и «Остров Сахалин» и А. П. Чехова.

Прежде чем обратиться непосредственно к текстам, сделаем несколько напоминаний, касающихся времени и условий написания произведений. До момента написания Достоевским «Записок...» основным документом, на основе которого назначались наказания, является «Воинский Устав Петра I» (1715), в котором на первое место ставились не нравственное и религиозное содержание преступных действий, а противоречие воле государства. Научное понимание термина «наказание» во время написания Достоевским его «Записок...» было изложено в Уголовном кодексе, принятом в 1845 году и названном «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В «Уложении» указывалось, что преступление - это «противоправное деяние, и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано» [3]. Система наказаний имела форму иерархии наказаний уголовных и исправительных. Основными принципами, как видно из определения, являлись устрашение и исправление. Методами наказания, в зависимости от степени тяжести, могли быть ссылка (поселение) в Сибирь (на Кавказ), лишение прав, состояния, почестей, каторга и др.

«Записки из Мертвого дома» печатались с 1860 по 1861 гг. и стали результатом впечатлений, пережитых Достоевским на каторге в Сибири. Каторга - один из видов наказания, применяемых в России в середине XIX века. Оценку происходящим событиям автор передает герою произведения, Горянчикову Александру Петровичу, отбывавшему каторгу за отцеубийство и собравшему подробные записки о жизни каторжан в Сибирском остроге.

«Остров Сахалин» А. П. Чехова печатался позднее, с 1893 по 1985 гг., после совершенной писателем поездки на Сахалин в поисках ответов на актуальные общественные вопросы и в поисках новых литературных впечатлений. Это серия художественно-публицистических очерков, в которых оценка увиденному принадлежит самому автору.

Обратимся к текстам и проследим, как на наглядно-чувственном уровне художественного и публицистического произведений отражены научные принципы наказания, составляющие его содержание - месть, воздаяние, устрашение, устранение, предупреждение, исправление, нравственное наказание. Основные принципы наказания прямо упомянуты Чеховым: «лишение, устрашение или исправление» [7, с. 241].

Мечь, воздаяние являются принципами глубоко укоренившейся в сознании русского человека христианской морали, принципами, отразившимися на восприятии наказания как меры воздействия. Как известно, согласно христианской тра-

диции, добро должно оплачиваться добром, а зло наказываться злом (По законам Моисея, «око за око, зуб за зуб»). В данном пункте научные принципы согласуются с религиозными и нравственными. Нравственное осознание содеянного, как и осознание греха, - это прямой путь к исправлению и прощению. На страницах «Записок из Мертвого дома» и «Острова Сахалин» нравственная сторона жизни каторжан показана как неоднозначная. Во-первых, из-за неоднозначности природы человека, его характера и поведения. «Вот человек, который на каторге чахнет, тает, как свечка; вот и другой, который до поступления на каторгу и не знал даже, что ~~вот~~ на свете такая развеселая жизнь, такой приятный клуб разудалых товарищей... Вот, например, человек образованный, с развитой совестью, с осознанием, сердцем. Одна боль собственного сердца, прежде всяких наказаний убьет его своими муками: Они сами себя осудят за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона. А рядом с ними другой, который даже и не подумает ни разу о совершенном им убийстве, во всю каторгу. Он даже считает себя правым. А бывают и такие, которые нарочно делают преступления, чтоб только попасть на каторгу и тем избавиться от несравненно более каторжной жизни на воле» [2, с. 440]. Во-вторых, и это уже прозвучало в приведенной цитате, большое значение имеют социальные причины. Нравственное наказание более свойственно развитой и образованной личности, тогда как простой люд лишен всяческих угрызений. Приведем еще одну цитату из «Записок...»: «Нравственные лишения тяжелее всех мук физических. Простолюдин, идущий на каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще более развитое. Он потерял, конечно, много — родину, семью, все, но среда его остается та же. Человек образованный, подвергающийся по законам одинаковому наказанию с простолудином, теряет несравненно больше его... И часто для всех одинаковое по закону наказание обращается для него вдесять раз мучительнейшее»

В истории возмездие и воздаяние принимали за справедливое наказание за совершенное преступление. Чем более жестоким было преступление, тем суровее предполагалось наказание, цель которого была еще и устрашение других людей, склонных к преступным деяниям. Широко применялись телесные наказания, исполняемые публично, на глазах многих людей. Позднее стал активно развиваться принцип исправления преступника, т. е. осознание им необходимости подчинения своей воли воле государства.

Тем не менее в «Записках...» Достоевского и в произведениях Чехова наиболее показательным является действие принципа устранения преступных элементов от общества, изгнание и даже отторжение их. Недаром их отправляли в самые отдаленные места в Сибирь и на Сахалин на каторгу и поселение. Многих клеймили «для вечного свидетельства об их отвержении» (Достоевский). Чехов в очерке «Из Сибири» прямо говорит, что цель применения высших карательных мер - «удаление преступника из нормальной человеческой среды навсегда, и человек, совершивший тяжкое преступление, умирает для общества, в котором он родился и вырос» [7, с. 27]. Арестант и сам знает, «что он арестант, отверженный» [2, с. 507] и вряд ли когда-либо он снова сможет вернуться к нормальной жизни. Как известно, большинство бывших арестантов оставались на поселении там же в Сибири и на Сахалине.

Действие принципа устрашения показано у Достоевского и Чехова, в основном, на примерах применения телесных наказаний, широко распространенных в то время среди арестантов. Лексическая сочетаемость слова «наказание» (применять наказание) в произведениях предполагает именно телесные наказания: присутствовать при наказании, терпеть наказание, исполнение экзекуции (наказа-

ния), за какое-то преступление позвали раз к экзекуции. И здесь художественное воплощение одного из принципов наказания является более широким и всеохватывающим, чем его научное применение. Специфика художественного изображения действительности такова, что автору доступны проникновения в разные миры - внешний, внутренний, воображаемый, предполагаемый и пр., доступны разные ракурсы изображения, выбор явлений. Описанию применения телесных наказаний у Достоевского и Чехова посвящены многие страницы. Авторы исследуют его с точки зрения физического и психологического эффектов на личность наказуемого и наказывающего, с точки зрения устрашения и исправления преступников, и, в конечном счете, эффективности данной меры. По мнению авторов, страшна не просто физическая боль («народ умеет переносить боль», с. 594), а ожидание казни, ощущение страха перед ней, подавляющего «все нравственное существо человека» [2, с. 593], когда «минута перед наказанием ... ужасна для приговоренного» [2, с. 444]. При этом какой бы ни была причина телесных наказаний, каким бы преступным не был элемент, приговоренный к нему, Достоевский отмечает, что русский народ «никогда не корит арестанта за его преступление, как бы ужасно оно не было, прощает ему все за понесеное им наказание и вообще за несчастье. Недаром же весь народ по всей России называет преступления несчастьем, а преступников несчастными» [2, с. 444]. Страшным оказывается телесное наказание, поскольку оно подавляет личность и вызывает животный ужас, но оно же вызывает и способствует проявлению самых низменных инстинктов и у приводящих наказание в исполнение. Развивая это положение, авторы «Записок...» и «Острова Сахалин» находят общие черты и типизируют характеры и методы работы людей, облеченных властью приводить наказания в исполнение, открыто заявляют о пагубности этого для души человека: «Право телесного наказания, данное одному над другим, есть одна из язв общества, есть одно из самых сильных средств для уничтожения в нем всякого зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основание к неоправданному и неотразимому его разложению» [2, с. 595-596]. Показанные в «Записках...» образы поручика Жеребятникова и Смекалова способствуют более наглядному их восприятию читателями.

Лишение человека свободы, один из принципов наказания, оказывается, пожалуй, наиболее существенным, по наблюдениям авторов анализируемых произведений. Лишение человека свободы - это лишение его нравственной сущности. Вся существовавшая пенитенциарная система предполагала всечеловеческое подавление воли человека, унижение, насаждение покорности, когда «почти всякое самовольное проявление личности в арестанте считается преступлением» [2, с. 474]. Для этого применялся невольный труд (каторжный), который, как следует из контекста произведений, был таковым не столько потому, что предполагал непосильную работу, а, скорее, потому, что предполагал невольную работу. «Весь этот народ работал из-под палки, следственно он был праздный, развращался, если и не был прежде развращен, то в каторге развращался.. Все они собрались сюда не по своей воле...», - замечает автор «Записок...» [2, с. 400]. Для этого применялись телесные наказания, жизнь арестантов вместе и невозможность человека ни на минуту остаться самому. В результате «у ссыльных наблюдаются пороки и извращения, свойственные по преимуществу людям подневольным, поработочным, голодным и находящимся в постоянном страхе» [2, с. 345].

Жизнь в местах лишения человека свободы никоим образом не способствовала их осознанию своей вины, раскаянию и нравственному очищению. Наоборот, весь уклад их жизни был направлен на то, чтоб человек ожесточился, развратился, возненавидел все, вел непотребный образ жизни. «Да, преступление, кажется, не может быть осмыслено с данных, готовых точек зрения, и философия его не-

сколько потруднее, чем полагают. Конечно, остроги и система непосильных работ не исправляют преступника, они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие. В преступнике же остроги самая усиленная каторжная работа усиливают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие. Но я твердо уверен, что и знаменитая келейная система достигает только ложной, обманчивой, наружной цели. Она высасывает жизненный сок у человека, эневрирует его душу, ослабляет ее, пугает ее и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшего представляет как образец исправления и раскаяния» [2, с. 403]. Даже если формально человек и признавал в свою вину, это, в конечном счете, не способствовало его раскаянию. «Одни ссыльные несут наказание мужественно, охотно сознаются в своей вине, и когда их спрашивают, за что они присланы на Сахалин, то обыкновенно отвечают так «За хорошие дела сюда не присылают». Другие же поражают своим малодушием и унылым видом ропщут, плачут, приходят в отчаяние, клянутся, они не виновны» [7, с. 342]. Таким образом, принципы христианской морали, столь свойственные русскому человеку, оказывались недейственными в условиях отбывания наказания на каторге. Интересно наблюдение авторов анализируемых произведений о том, что каким бы серьезным и дерзким не было преступление, есть множество арестантов, готовых бахвалиться им или не считать его таковым. Более того, отмечается, что за преступления против начальства «преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародья, который никогда, он опять-таки знает это, его окончательно не осудит, а большею частью и совсем оправдает, лишь бы грех был не против своих, против братьев, против своего же родного простонародья. Совесть его спокойна, а совестью он силен и не смущается нравственно, а это главное» [2, с. 585].

Художественный или художественно-публицистический текст дает обобщающую картину всей системы наказания в России и отражает все принципы, заключенные в данном научном понятии. Научное понятие фактически оказывается освоенным обыденным сознанием. Однако помимо этого, художественный текст позволяет расширить данное понятие, углубить его, благодаря своим возможностям проникновения во внутренний мир героев, типизации характеров, описания сущности явлений и определения закономерностей и пр. Авторы могут обобщить явление и, одновременно, сделать его наглядно-показательным. Важным оказывается гуманистический подход писателей к наказанию, при котором учитываются интересы не только общества, карающего своих оступившихся членов, но и интересы самого человека. Наглядно-образное воплощение друкх терминов правовой терминосистемы в художественных текстах - возможная перспектива дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Более 20 000 синонимов / Н. Абрамов. - 7-е изд., стереотип. - М.: Рус. словари, 1999. - 431 с.
2. Достоевский Ф. М. Собр.соч. в 10 тт. - Т. 3. / Ф. М. Достоевский - М. : Худ. лит-ра, 1956.-795 с.
3. История государства и права России // [Электронный ресурс]. - Режим доступа : www.bibliotekar.ru/istoria_prava_rossii
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 685 с. %ЩШ 11
5. Теории уголовного наказания [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

6. Хабибуллина Н. И. Юридическая техника и язык закона : монография / Н. И. Хабибуллина. - СПб., 2000. - 92 с.
7. Чехов А. П. Собр. хр. в 10 тт. - Т. 10. / А. П. Чехов. - М.: Худ. лит., 1963. - 640 с.
8. Наказание // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.vehi.net

Надійшла до редколегії 28.02.13

УДК 811.161.Г367

И. В. Острцова

Днепропетровская металлургическая академия Украины

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО III КОМПОНЕНТА ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ (на материале специальных текстов)

Представлено загальну характеристику дієслівних компонентів (ДК) описових предикатів (ОП), що функціонують у висловлюваннях сфери спеціальної комунікації. Висвітлено питання щодо широкосзначності ДК і можливостей їх класифікації. На матеріалі словникових дефініцій виокремлено основні семантичні групи ДК сфери спеціальної комунікації.

Ключові слова: описовий предикат, дієслівний компонент ОП, лексико-семантична група, сфера спеціальної комунікації.

Представлена общая характеристика глагольных компонентов (ГК) описательных предикатов (ОП), функционирующих в высказываниях специальной сферы коммуникации. Освещен вопрос о широкосзначности ГК и возможностях их классификации. На материале словарных дефиниций выделены основные семантические группы ГК сферы специальной коммуникации.

Ключевые слова: описательный предикат, глагольный компонент ОП, лексико-семантическая группа, номинативное значение.

The article presents a general description of the verbal components (VC) of descriptive predicates (DP), which operate in the statements of special sphere of communication. The question about polysemy of VC and their possible classification is investigated. On the material of the lexical definitions the basic groups of VC in special sphere communication are determined.

*Key words: descriptive predicate, verbal component of DP, lexical-semantic group, nominative meaning**

Глагольные описательные единицы с общим значением процессуальноеTM, получившие в работах последнего времени название описательных предикатов [3; 13] (далее ОП. - И. О.), являются, начиная с первого упоминания об «описательных формах глагола» в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева [2, с. 508], традиционным объектом русистики. Однако некоторые проблемы их изучения, намеченные еще в первой половине XX в., остаются до сих пор не решенными. В частности, недостаточно исследованы семантические особенности глагольных компонентов ОП, функционирующих в сфере специальной коммуникации. Исходя из отмеченного, настоящее исследование ставит своей целью анализ структурно-семантических свойств глагольных компонентов, входящих в состав описательных предикатов в высказываниях, принадлежащих сфере специальной коммуникации. Материалом исследования послужили учебно-научные тексты по металлургии, медицине и праву, соответственно репрезентирующие три специальных дискурса.